

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ЯКУТСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

**НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОЙ АЗИИ
В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ
Г.М. ВАСИЛЕВИЧ**

Сборник научных статей

Якутск
2020

УДК 39(=1.571-81):929Василевич(063)
ББК 63.529(251)я43 Н 30

Утверждено к печати Ученым советом
Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Ответственный редактор
кандидат исторических наук Л.И. МИССОНОВА

Редакционная коллегия
доктор филологических наук А.Н. ВАРЛАМОВ
доктор филологических наук Н.И. ДАНИЛОВА
доктор социологических наук Е.Г. МАКЛАШОВА
доктор филологических наук Н.В. ПОКАТИЛОВА
доктор исторических наук Е.Н. РОМАНОВА

Рецензенты
кандидат филологических наук Т.В. АРГУНОВА
доктор филологических наук Т.Г. БАСАНГОВА
PhD in Anthropology (University of Aberdeen), кандидат социологических наук
В.Н. ДАВЫДОВ

Ответственный за выпуск
кандидат филологических наук М.П. ДЬЯКОНОВА

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства по развитию Арктики и делам народов Севера Республики Саха (Якутия)*

Н30 **Народы и культуры Северной Азии** в контексте научного наследия Г.М. Василевич: сборник научных статей / отв. ред. Л.И. Миссонова [Рос. акад. наук, ФИЦ ЯНЦ СО РАН, Ин-т гуманитар. исслед. и проблем малочисл. народов Севера, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Нац. биб-ка РС (Я)]. – Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2020. – 407 с.

В книге представлены темы, вызвавшие интерес на Всероссийской научно-практической конференции «Народы и культуры Северной Азии в контексте научного наследия Г.М. Василевич», посвященной 125-летию Г.М. Василевич (15(29).03.1895 – 22.04.1971), выдающегося советского ученого, чьи фундаментальные труды по этнографии, языкознанию, педагогике и фольклористике являются основой тунгусоведения и остаются актуальными и востребованными на протяжении длительного времени.

Для языковедов, этнографов, историков и всех, кто интересуется вопросами истории и культуры народов Северной Азии.

СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ ФОЛЬКЛОРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ СЕВЕРНОЙ АЗИИ

УДК 398.8(=512.212)
DOI: 10.25693/Vasilevich.2020.049

Лиморенко Юлия Викторовна

кандидат филологических, научный сотрудник Института филологии СО РАН
г. Новосибирск, Россия

limorenko.yulia@yandex.ru

ЭВЕНКИЙСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ И ЕЕ НАУЧНЫЙ ПЕРЕВОД: ПО ИТОГАМ РАБОТЫ НАД КНИГОЙ «ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ И ПЕСНИ ЭВЕНКОВ»

Аннотация. В статье рассматривается опыт перевода текстов эвенкийских народных песен на русский язык; они опубликованы в томе «Обрядовая поэзия и песни эвенков» академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Переводы выполнялись в соответствии с требованиями Серии. Изучены приемы освоения непереводаемых запевных слов по правилам русского языка, принципы окказионального словообразования, обоснована нерегулярность русской грамматики и синтаксиса в текстах перевода.

Ключевые слова: перевод фольклора, народная песня, фольклор эвенков, запевы круговых танцев, запевные слова, литературная норма

THE EVENKI FOLK SONG AND ITS SCIENTIFIC TRANSLATION: RESULTS OF EDITING THE “RITUAL POETRY AND SONGS OF EVENKI”

Abstract. The report examines the experience of translating Evenki folk songs into Russian; they were published in the volume “Ritual poetry and songs of Evenki” of the academic series “Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East”. The methods of mastering untranslatable refrain words according to the rules of the Russian language, the principles of occasional word formation are studied, the irregularity of Russian grammar and syntax in the translation texts is justified.

Keywords: translation of folklore, folk song, Evenki folklore, refrains of circular dances, refrain words, literary norm

Цель данной статьи – описать специфику перевода народных песен на русский язык на примере образцов, опубликованных в 32 томе академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [Обрядовая поэзия, 2014]. Переводчиком большинства текстов этого тома (за исключением републикаций) была Г.И. Варламова, а редактором русского перевода – автор настоящего доклада.

Песни, включенные в издание, делятся на две группы – песни-запевы круговых танцев и лирические (в том числе личные) песни. Первые отличаются некоторой жесткостью структуры, вторые совершенно свободны в композиции. Ниже будут описаны особенности перевода текстов каждой из этих групп.

При работе над томом переводчик и редактор руководствовались рекомендациями Главной редколлегии, изложенными в брошюре «Принципы и порядок подготовки томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [Принципы и

порядок, 2003]. Относительно перевода песенных текстов в «Принципах...» есть следующие рекомендации: «При переводе ритмически структурированных текстов, эпоса, заклинаний, песен) следует сохранять интонационно-поэтическую специфику оригинала, не прибегая к нарочитой рифмовке и стилизации. Воспроизведение формы национального произведения должно соответствовать нормам русского языка» [Принципы и порядок, 2003: 9]. Исходя из этих положений, были поставлены и решены несколько проблем перевода песенных текстов.

Запевы круговых танцев. Главная особенность текстов этих песен – большой объем непередаваемых запевных слов: их количество может составлять до половины всего текста и даже больше (см., напр., текст 158 [Обрядовая поэзия, 2014: 304–305]). Как таковому переводу эти запевные слова не подлежат, однако их требуется передать транслитерацией как можно ближе к оригинальному звучанию и правильно образовывать их грамматические формы (множ. число, падежные формы и др.). Иначе говоря, требуется присвоить этим словами некоторые русские грамматические категории, чтобы правильно изменять и по формам.

Большинство запевных слов (*Дэвэ, гэсунгэ, осорай, гэсугур* и др.) в разных падежах не изменяют своего облика: «*Гэсунгэ, гэсунгэ! / Гэсунгэ наш поведем...*» [Там же: 303]; «*Осорай-осорай! / Осорай буду играть!*» [Там же: 301]. В первой строке обоих примеров слово стоит в именительном падеже, во второй – в винительном, но по русским правилам они изменяются так же, как заимствованные слова, оканчивающиеся на гласный, типа «кашне», «табло». При таком подходе возникает вопрос: какого рода эти слова должны быть в русском языке? От решения этого вопроса зависит их согласование с прилагательными. После консультаций с переводчиком было принято решение: считать названия танцев словами мужского рода, т.к. генерализующее слова для них – «танец». Поэтому стали возможны согласования типа «*дэвэ-дэвэ древний*» [Там же: 295], «*Гэсунгэ очень старинный, / Гэсунгэ наш поведем...*» [Там же: 303] и образование новых форм типа «*осорайчик-игра*» [Там же: 301], «*осораюшко-осорай*» [Там же: 299]. Согласование транслитерированных слов по роду в русских переводах крайне важно: без этого тексты могут стать совершенно нечитаемыми и непонятными.

В текстах круговых песен есть строки, в которых запевные слова ни с чем не согласуются («*Гэсунгэ-гэсунгэ!*»; «*Осорай-осорай!*»). В этом случае их решено было считать междометиями, подобно русским запевным словам и припевам (*илеу, коляда/калида, люли-люли* и др., см.: [Русский календарно-обрядовый, 1997]).

Еще одна сложность при переводе запевов состояла в необходимости переводить слова, образованные от запевных слов. Пример из текста № 148 [Обрядовая поэзия, 2014: 294–295]:

*Дэвэ-дэвэ, дэвэксэ!
Дэвэдэгэт сигйлэ!*

*Дэвэ-дэвэ, охру дайте!
Пойдем охрить в чашу!*

Окказиональный глагол «охрить» образован по эвенкийской модели, но его значение непонятно без комментария, поэтому переводчик и редактор сформулировали следующее пояснение: «...поскольку не известно точно, какие именно действия нужно было производить с помощью охры, в переводе выбрано обобщающее слово, образованное аналогично эвенкийскому отыменному глаголу от корня *дэвэ-*» [Обрядовая поэзия, 2014: 418].

Поскольку в научном издании не ставится цель перевести песни эквиритмически (это противоречило бы цитированным выше принципам), переводчик достаточно свободен в длине строки перевода. Однако использовать чрезмерно длинные или слишком короткие строки было сочтено неверным подходом, поэтому большинство строк круговых песен имеют длину в пределах 5–9 слогов. Это сделано сознательно, чтобы не разрушать танцевальный ритм песен. Опорой для выбора примерного ритмического рисунка каждой песни служили, как правило, первые строки с запевными словами: *дэвэ-дэвэ-дэвэйдэ, гэшингэ, гэсунгэ, осорай-осорай* и др. В последующем тексте переводчик по возможности соблюдает примерно такое же количество слогов в каждой строке, хотя передать чередование ударений без нарочитой ритмизации, конечно, невозможно.

Чтобы усилить впечатление ритма танца, в переводе тщательно сохранялись все повторы и вариации оригинального текста:

Сэвдэни икэн икэнин,
Икэнде икэндегэр!
Ирāиндя икэниктун
Гудей, гудей эвйнэл!

Веселая песня песен,
Великая песня поется!
В нашей Ираиндя на икэнике
Красиво, красиво играя!

[Обрядовая поэзия, 2014: 308–309].

Сохранение повторов (иногда неоднократных) призвано к тому же подчеркнуть импровизационный характер запева.

Лирические песни. В текстах лирических песен равносложность строк оригинала видна еще отчетливее, чем в запевах круговых танцев, и передать эту равносложность в переводе достаточно трудно. Переводчик и редактор в этом случае отдали предпочтение точной передаче смысла строк и сохранению вставных слогов, используемых для выравнивания длины строки. В русском переводе они, конечно, не выполняют этой функции, но их сохранение необходимо в соответствии с рекомендациями Главной редколлегии [Принципы и порядок, 2003: 10] – это одна из стилистических черт поющего текста. Приведем несколько примеров:

Алдāн-энэ кочбёлбон
Гунйвчакон бия-ты-нэн.

Об излучинах Алдана-матери
Говорить я буду-ты-нэн.

[Обрядовая поэзия, 2014: 310–311].

Аян-аян, ийэн-айин,
Аян-аян эвиденнэм.
Гундёнэм-кэ-дэ-на гуным,
Аян-аян ульгүкōнын
Ульгучэндем-нэн гундёнэм-ну.

Аян-аян, мать-кормилица,
Аян-аян, играю.
Говоря-то-дэ-на, говорю,
Аян-аян, в рассказе
Рассказываю ли, говорю ли.

[Обрядовая поэзия, 2014: 308–309].

Выделение этих вставных слогов в русском тексте курсивом показывает, что они «унаследованы» от оригинала и отражают типичный поэтический прием дополнения строки до ритмической равносложности.

Сохраняются в русском тексте и звукоподражания, напр., подражание плачу в двух песнях:

Ая бинидүви илэвдем бй,
Эгин нунан минтыкй дялдāра.
Эдэр һунāткāн эвэды, **иу-иу...**
Ии-иуи-иуи,
Ии-иуи-иуи,
Мэнми аяврйдүви
Мэн тэгэндүви нэнэнэтыв.
Ии-иуи-иуи.

Для хорошей жизни расту я,
Пусть он и не думает обо мне.
Молодая девушка-эвенкийка, **иу-иу...**
Ии-иуи-иуи,
Ии-иуи-иуи,
За любимого мною
Моего ровесника должна я пойти.
Ии-иуи-иуи.

[Обрядовая поэзия, 2014: 312–315].

И-һи-и-и-и-и,
И-һим-и-һим-и.
Би уһами бэемилэ эпчэркэими
Бэюктэдэнэ бидечэв.
И-һи-и-и-и-и,
И-һим-и-һим-и.

И-хи-и-и-и-и,
И-хим-и-хим-и.
Я у злого человека, трудно,
Охотясь, жил.
И-хи-и-и-и-и,
И-хим-и-хим-и.

[Обрядовая поэзия, 2014: 316–317].

Импровизационный характер лирических песен выражается в том, что тексты, порождаемые прямо в процессе исполнения, содержат много повторов, неполных синтаксических структур, вкраплений одной фразы в середину другой. Все эти особенно-

сти песенного текста тщательно отражены в переводе, нередко нарушая русскую литературную норму. В результате получается текст, проникнутый спонтанными разговорными интонациями, характерными и для русской неподготовленной речи.

Чтобы показать, как это происходит, разберем текст «Песни девушки» (№ 175).

<i>Бй-кэ, бй-кэ экун дюгеден</i>	Я-то, я-то ради чего
<i>Дылгагалдыам-нү гуннэнг ичэмйн?</i>	Голос подаю-то, говоря, если посмотреть?
<i>Горой горб-вол</i>	На далеком-далеком
<i>Учйр бугав умдээден-кэ</i>	Учуре, родине моей, в глубине его-кэ
<i>Оскёникэр-гү эвэнкйткэр-гү</i>	Родившиеся-гу эвенки-гу,
<i>Эмэнэвэтын аналдү-ка аннялдүтын</i>	Ради их приезда, их хранителям
<i>Гэлнэдери-вэл гэрбйлвэтын нги гуннэнг</i>	Звонкие же имена их, говорят,
<i>Эва муркачивдядян.</i>	Зачем гадать.
<i>Дюкрэ умун-кунг ирэндэлкэхэл,</i>	Оба одинаковую внешность имеющие,
<i>Умун гэрбйлкэхэл-ге.</i>	Одинаковые имена оба носящие
<i>Бутанкемачан эвэнкйткэр-гү</i>	Из рода Бута эвенки же,
<i>Ботурчэйэл-кэ гунмурйл-кэ-гү</i>	Петрушами называемые-гу
<i>Һуркэр-кунгакяр эмэнэвэтын</i>	Парни-дети, по случаю их приезда,
<i>Ирэндэлвэтын ичэдексэкэн</i>	На внешность их посмотрев,
<i>Икзлекэтнэ(н) эвидектэ-гү</i>	Распевая, поиграю-ка.
<i>Мукар дюкрэ-гү дюкрэ негылтын</i>	Даже у обоих [оленей], у обоих передние ноги их
<i>Бугдыл мбсандакаһал бинэлди нэлки.</i>	Белые, у обоих передовых белые.
<i>Ирэндэтэй-ге умукор бинэл-бинэл</i>	Похожими друг на друга,
<i>Эма-нган-кал-ге дэлэй буга-гү</i>	Как же вам в этой обширной стране,
<i>Дэлэмйчэнин аналлакин</i>	Как свободные священные олени,
<i>Бикэлдун бблан эркэ(н) эһилэ(н)?</i>	Не жить?
<i>Темнэйкэн-кэ тур-бугамавар</i>	Ступившие же на землю-родину свою,
<i>Пэрийһиндеһун минэмидү</i>	Возвратившись для меня,
<i>Чялбан мбдук-ка дегилкэн-е</i>	Из березы дерева полозья имеющие
<i>Толгокйдеһун тэгэлдыксэкэн,</i>	На нарты ваши усевшись с вами вместе,
<i>Мбсандаһун илан дарилкан</i>	Вожжи ваши трехсаженные
<i>Чуркалама нэруһун-ка-гэ</i>	Прямо же вытянутые,
<i>Илчарйаден солкомочбн-ко нюриктэвй</i>	В косу их с шелковыми волосами своими
<i>Улгэнчедексэ, бодончелды-вал одыам-ка(н)</i>	Вплетая, вслед за вами,
<i>Дэлэмэ-глэл-гу ая бимчэ-гү!</i>	До чего хорошо было бы!

[Обрядовая поэзия, 2014: 322–325].

Как можно видеть, повторы («Даже у **обоих** [оленей], у **обоих** передние ноги их / **Белые**, у **обоих** передовых **белые**», «На нарты **ваши** усевшись с вами вместе, / Вожжи **ваши** трехсаженные»), вариации синонимичных слов («Парни-дети»), синтаксис оригинальных предложений (стк. 18–21, 24–30) сохранены в переводе до той степени, чтобы русский текст не стал непонятным. Такой подход оговаривается рекомендациями Главной редколлегии Серии: «В переводе должны быть отражены главные особенности поэтики текста: постоянные эпитеты, повторы, параллелизмы, формульные выражения, общие места (устойчивые или варьирующиеся)» [Принципы и порядок, 2003: 9].

С точки зрения русской синтаксической нормы некоторые предложения в переводе выглядят построенными неверно: может отсутствовать часть сказуемого (стк. 24–30), причастные обороты не всегда согласуются с управляющим словами (стк. 9–12), позиция местоимений ненормативна (стк. 10). Однако попытки привести грамматику и синтаксис перевода в строгое соответствие с нормой также сделало бы текст неясным. Кроме того, это вынудило бы менять порядок строк, что крайне нежелательно в соответствии с принципами подготовки томов [Принципы и порядок, 2003: 9].

Подводя итоги, можно сказать, что переводы эвенкийских народных песен в томе «Обрядовая поэзия и песни эвенков» выполнялись с учетом рекомендаций Главной редколлегии Серии и с учетом характера поэтического текста, его импровизационной природы, ритмических особенностей. Некоторые приемы и решения, использованные при переводе, могут вызвать вопросы и сомнения, однако практический опыт работы над переводами песенной поэзии будет учтен при подготовке последующих песен томов Серии.

Литература

Обрядовая поэзия и песни эвенков / сост. Г.И. Варламова, Ю.И. Шейкин. Отв. ред. Т.Е. Андреева. Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2014. 487 с., [8] с. цв. вкл. + компакт-диск. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 32).

Принципы и порядок подготовки томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Изд-е 2, перераб. и дополн. / сост. Н.А. Алексеев, В.М. Гацак, Е.Н. Кузьмина. С.П. Рожнова, Г.Е. Солдатова. Новосибирск, 2003. 21 с.

Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока. Песни. Заговоры / сост. Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников, Н.В. Леонова. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1997. 605 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 13).

УДК 398.85=512.212)

DOI: 10.25693/Vasilevich.2020.050

Унру Софья Александровна

кандидат культурологии, доцент Института народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена
г. Санкт-Петербург, Россия

nkult@yandex.ru

ПЕРСОНАЖИ СОВРЕМЕННОГО НЕОБРЯДОВОГО ФОЛЬКЛОРА ЭВЕНКОВ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда в рамках научного проекта № 14-01-18037 е
«Современный необрядовый фольклор
как форма сохранения культурного наследия эвенков»*

Аннотация. В рамках полевого исследования современного необрядового фольклора эвенков, проведенного в Республике Саха (Якутия) и в Амурской области, собрана информация о фольклорных персонажах, рассказы о которых имеют широкое бытование и составляют важную часть духовной культуры народа. Наиболее часто упоминаемый информантами персонаж называется в народе Бальбукэ. Он отличается многообразием образов: может проявлять себя в виде звуков (звон бубенцов, звук приближающегося оленьего стада, хорканье оленей, человеческих крик, смех, плач, разговор, шаги, песня, звук варгана, звук передвигаемых предметов (звон посуды, тазов, стук в дверь, скрип двери, звук снегохода, рев медведя), а также в виде образов людей (ныне живущих или умерших) или животных, огня вдали. Все это исчезает при приближении к объекту, привидевшиеся люди и животные не оставляют следов на земле. При столкновении с указанными явлениями нельзя вступать в контакт, прикасаться, отвечать на зов. Необходимо соблюдать обряды задабривания духов. В ряде случаев Бальбукэ описывается как некое существо, обитающее в тайге, большое, покрытое шерстью, одноглазое или красноглазое. На него реагируют собаки, им пугают детей, его можно привлечь шумом в ночное время. С ним связан ряд табу: на него нельзя смотреть, привлекать внимание, а увидев его, лучше перебраться в другое место. Видимо, это наиболее аутентичное представление. В сознании эвенков Бальбукэ слился с образами духов умерших, чертей, злых духов авахи, духов природы. Все эти персонажи объединяет понятие «эруду» – плохая примета. Но по своей морфологии и происхождению они отличаются. С одной стороны, это свидетельствует об утрате эвенками четких представлений о пантеоне духов. С другой стороны, значительное количество собранных рассказов говорит о широком бытовании необрядового фольклора в народной среде и его высокой роли в сохранении духовной культуры эвенков.